

СМЕРТЬ РЕМИЗОВА

ВОТ и последние мои слова о Ремизове. Недолго пришлось ждать.

С месяц назад зашел я к нему, он сказал:

— Пришли проститься.

До того видел его летом, в день 80-летия. Разница оказалась огромная: просто другие черты — одутловатость, припухлость целой половины лица. И та слабость, которая ведет к Вечности.

Но за последние дни будто нечто в нем выравнилось — все мы, все-таки, чувствовали, что конец близок.

— И подумайте, сказал он тогда же: ведь никакой надежды...
Задыхаюсь.

Его поддерживали кислородом. Почти слепой, тяжело дышащий, так и остался он до конца литератором: занимали его только книги, печатание, отзывы, переводы.

Литературная судьба его особенная, жизнь долгая и нелегкая, облик причудливый, трудный — порождение, однако, и России, и Москвы. Глубоко русский человек. И очень был умён, один из умнейших наших писателей. Но никак не «Декартовского» духа. Под-

Рис. В. Барсова

земное, путаное и сложное было в нем, смесь горечи, ущемленности, как бы всегдашней обойденности с сознанием превосходства. Замечательная память и сновидчество, чувство древней Руси, древнего языка и близость к сюрреалистам, фантастические рисунки (пока видел, любил рисовать) и склонность к мельчайшим, утомительным описаниям.

Его мало читали, но небольшой круг очень читл.

Впрочем, теперь уж неважно, кто признавал и любил, кто нет. Он уже в Вечности, где нет ни статей, ни рецензий, ни читателей. А что есть, неведомо никому: можно лишь верить и надеяться.

Для меня в нем ушел последний сотоварищ по писанию — моего поколения. Своеобразнейше одаренный писатель и книгочий, москвич с Земляного вала, дорогой Алексей Михайлович, кого знал полвека, к кому любил заходить в последние его годы парижские, мирно беседовать.

— Идите тихо, идите мирно, повторял он всегда, провожая до дверей квартиры. Позже не провожал уже: сил не хватало двигаться.

Ныне мы провожаем его в дальний, таинственный путь.

— Идите тихо, идите мирно.

Упокой, Господи, душу новопреставленного Алексея.

Бор. Зайцев

Р.М. 3.12.57